

## Метафилософия Имре Лакатоса в аспекте современного метафилософского дискурса

Анна Викторовна Тонковидова

Кубанский государственный университет физической культуры, спорта и туризма,  
старший преподаватель кафедры общественных коммуникаций  
[tonkovidova@mail.ru](mailto:tonkovidova@mail.ru)

**Аннотация:** В статье пересматривается метафилософия Лакатоса относительно использования исторических фактов в целях философского теоретизирования о науке. Работы Лакатоса содержат идею о том, что любая философская методология науки должна быть направлена на максимизацию рационально объяснимых фактов, хотя и без претензий на то, что когда-либо сможет объяснить все исторические факты как рациональные. Данная идея рассмотрена в свете современной метафилософской литературы. Выявляются проблемы современных метафилософских исследований: проблема беспристрастности, проблема индуктивного обоснования, проблема преодоления разрыва между философскими нормами и историческими фактами. Существует три версии проблемы беспристрастности: предвзятость, искажение и теоретическая нагруженность. Выявляется, что изучение истории дало нам лучшее понимание поставленных философских вопросов. Проблема индуктивного обоснования определяется как более серьезная, чем проблема беспристрастности. Ключевой проблемой является проблема теоретической нагруженности исторических фактов. Делается вывод, что на основании теории Лакатоса возможно построить взаимодействие философии науки с историей науки.

**Ключевые слова:** метафилософия, философия науки, история науки, проект рациональной реконструкции, проблема беспристрастности, проблема индуктивного обоснования, максимизация рациональных фактов, Имре Лакатос.

---

## Metaphilosophy of Imre Lakatos in the aspect of contemporary metaphilosophical discourse

Anna V. Tonkovidova

Kuban State University of Physical Education, Sports and Tourism, Krasnodar, Russian Federation, Senior Lecturer, Department of Public Communications  
[tonkovidova@mail.ru](mailto:tonkovidova@mail.ru)

**Abstract:** The article revises Lakatos's metaphilosophy regarding the use of historical facts for the purposes of philosophical theorizing about science. Lakatos's works contain the idea that any philosophical methodology of science should be aimed at maximizing rationally explainable facts, although without claims that it will ever be able to explain all historical facts as rational. This idea is considered in the light of modern metaphilosophical literature. The problems of modern metaphilosophical research are identified: the problem of impartiality, the problem of inductive justification, the problem of bridging the gap between philosophical norms and historical facts. There are three versions of the problem of impartiality: bias, distortion and theoretical loading. It turns out that the study of history has given us a better understanding of the philosophical questions posed. The problem of inductive justification is defined as more serious than the problem of impartiality. The key problem is the problem of theoretical loading of historical facts. It is concluded that on the basis of Lakatos's theory it is possible to construct the interaction of the philosophy of science with the history of science.

**Keywords:** *metaphilosophy, philosophy of science, history of science, rational reconstruction project, problem of impartiality, problem of inductive justification, maximization of rational facts, Imre Lakatos.*

---

© А.В. Тонковидова (Краснодар). [tonkovidova@mail.ru](mailto:tonkovidova@mail.ru). Кубанский государственный университет физической культуры, спорта и туризма. Южный Полюс 12 (2) (2024) DOI: 10.18522/2415-8682-2024-12-85-91

Лакатос, как известно, советовал подробно описывать фактическую историю науки, которая «вела себя неправильно» в свете рациональной реконструкции науки в сносках философских текстов [1, с. 107]. Неудивительно, что это не сулило ничего хорошего историкам [2, 3, 4, 5, 6]. Не помогло и то, что Лакатос позже назвал это «неудачной шуткой» и заявил, что никогда не предлагал со всей серьезностью относиться к истории науки таким образом [7, с. 192; 8]. Ущерб уже был нанесен [9, 2, 3, 10, 11, 4, 5, 6]. Пренебрежительный взгляд на историю науки, называемый «шуткой» Лакатоса, не только создал философам плохую репутацию среди историков, но и нивелировал некоторые из более разумных вещей, которые Лакатос мог сказать об исторически обоснованной философии науки. В этой статье показывается, вопреки распространенному клише, что Лакатос на самом деле верил, что хорошая философия науки должна учитывать как можно больше исторических фактов. Аргументация основана в основном на тщательном анализе «Истории науки и ее рациональной реконструкции» Лакатоса, которая впервые появилась в трудах PSA 1971 года [1]. Эту статью часто неверно истолковывали как совет историкам о том, как делать историю науки [3, 4, 6, 12]. Но даже несмотря на то, что Лакатос действительно, казалось, обращался к «историкам» в своей статье, он никогда по-настоящему не занимался работой историков и не интересовался их проблемами [13]. Вместо этого он сосредоточился на философии и на том, как история может быть использована для поддержки философских утверждений. Как он сам выразился, его аргументы были «в первую очередь адресованы философу науки и направлены на то, чтобы показать, как он может — и должен — учиться на истории науки». Таким образом, проект Лакатоса лучше описать как метафилософский. Лакатос на самом деле может рассматриваться как один из главных защитников комплексного подхода к истории и философии науки, как можно почерпнуть из его переформулировки знаменитого изречения Канта, которым он начал свое метафилософское эссе: «философия науки без истории науки пуста; история науки без философии науки слепа» [1, с. 91]. Лакатос также ясно дал понять, что он выступает против «априорной философии», которая безразлична к эмпирическим фактам, и он также не верил, что существуют какие-либо «неизменные» научные стандарты, которые философы могли бы каким-то образом обнаружить без анализа истории науки.

Целью данной статьи будет исследование метафилософии Лакатоса в свете современного метафилософского дискурса. В современных метафилософских дискуссиях, касающихся использования исторических тематических исследований, есть два основных направления: одно из них сосредоточено на риске использования тематических исследований тенденциозным образом, когда они призваны поддерживать философские утверждения [14, 15, 16, 17]; другое сосредоточено на вопросе о том, как очевидная частность исторических случаев может быть согласована со стремлением к общности философских утверждений [14, 18, 17, 19]. В дальнейшем мы можем назвать первую проблему проблемой беспристрастности, а вторую – проблемой индуктивного обоснования.

**Проблема беспристрастности.** Существует три версии проблемы беспристрастности: предвзятость, искажение и теоретическая нагруженность. Эти три аспекта следует разделять, поскольку они имеют совершенно разные последствия. Искажение не должно иметь места ни в одном здравом эмпирическом подходе,

философском или ином. Питт пишет в своей весьма влиятельной дилемме для подхода к исследованию случаев: «С одной стороны, если случай выбран потому, что он иллюстрирует излагаемую философскую точку зрения, то неясно, были ли поддержаны философские утверждения, потому что можно утверждать, что исторические данные были сфальсифицированы, чтобы соответствовать точке зрения. С другой стороны, если начать с исследованием случая неясно, куда идти дальше — поскольку неразумно обобщать один случай или даже два или три» [14, с. 373].

Возможно, Питт хочет сказать что-то более слабое, а именно, что исследования случаев отбираются философами, чтобы соответствовать их программам. В этом ключе Никелс однажды заметил, что «исторические исследования случаев могут быть слишком похожи на Библию в том отношении, что, если долго и внимательно смотреть, можно найти отдельный пример, который подтверждает или опровергает почти любое утверждение» [20, с. 141].

Для полноты картины следует упомянуть, что есть еще одна важная метафилософская проблема, которая привлекла некоторое внимание в 1970-х и 1980-х годах, а именно проблема того, как преодолеть разрыв между философскими нормами и историческими фактами. Текущий консенсус, похоже, заключается в том, что проблема исчезает, либо когда мы представляем себе философские теории, родственные научным теориям, которые должны быть проверены эмпирически [21, 22], либо когда мы представляем себе методологии как инструментальные нормы, в соответствии с которыми эмпирические факты должны сообщать нам, действительно ли поставленные цели достигаются используемыми методами [23].

Как и наука, философия имеет гарантии от предвзятости и отбора. Лучшие журналы в этой области имеют (довольно строгие) процедуры рецензирования, которые гарантируют, что люди, не положительно настроенные к тезису автора, получают возможность критиковать предвзятость автора. Даже если рецензирование не выявляет предвзятости, существует критическое сообщество философов, которое обязано либо довести предвзятость до сведения своих коллег, либо представить свои собственные исследования случаев, оспаривающих обсуждаемый тезис. И если рецензирование и критика сообщества склонны выявлять предвзятость, то это должно быть еще более справедливо для искажения. Конечно, нет гарантии, что все предвзятости и искажения будут выявлены сообществом, но также нет никаких оснований думать, что сам проект использования истории в поддержку философского теоретизирования настолько искажен, что вся надежда потеряна.

Более серьезная проблема, чем предвзятость, – это теоретическая нагруженность. Теоретическая нагруженность лучше всего понимается не просто как теоретически предвзятый выбор фактов, а скорее как нечто более глубокое, а именно, как влияние теоретических предпосылок на сам способ описания фактов. Даже когда философы очень стараются не искажать факты, исторические исследования случаев никогда не могут обеспечить нейтральную поддержку какой-либо философской точки зрения, потому что одни и те же исторические факты могут рассматриваться в том или ином свете, в зависимости от философских взглядов [16]. Фактически, это было беспокойством, которое Кун выразил в своем обзоре сборника эссе, обсуждающих исторические случаи в духе теоретической структуры исследовательских программ Лакатоса «реальная история» того рода, который требует Лакатос, является мифом. ... данные в большинстве частей пула не являются, пока не будет проведена значительная интерпретация, фактами, которые появляются в исторических повествованиях. ...Однако совершенно не ясно, что сторонники этих [сравнимых] методологий примут элементы его повествования как просто фактические, и именно на этом согласии основана его демонстрация. История интерпретируема на всем протяжении» [5, с. 184].

Интересно, что, несмотря на эту озабоченность, Кун пришел к выводу, что «Лакатос, я думаю, совершенно прав, предполагая, что улучшенные исторические повествования часто являются теми, которые отводят центральную роль большому массиву доказательств» [5, с. 184-185]. Кун просто считал, что написание истории следует оставить историкам, чтобы гарантировать, что научные теории философов не смогут повлиять на написание истории теми проблематичными и искажающими способами, которые, к сожалению, предложил Лакатос. Лакатоса уже не было в живых, поэтому у него не было возможности ответить на это предложение Куна. Но я думаю, мы можем быть уверены, что он бы отверг это предложение, поскольку он ясно дал понять уже в начале своего метафилософского эссе, что считает историю без философии «слепой».

Насколько серьезной угрозой для идеи Лакатоса о максимизации рациональных фактов является теоретическая нагруженность исторических фактов? Насколько серьезной угрозой является теоретическая нагруженность для любой философии, стремящейся использовать историю в качестве доказательства? Возможно, ненамного более серьезной, чем теоретическая нагруженность наблюдений в науке [16]. Например, в отношении последнего утверждалось, что даже когда описания наблюдений находятся под влиянием словаря соответствующих философских теорий, доказательства все еще могут быть непокорными и выступать против наших теорий. Кинзель менее оптимистичен что философские споры могут быть разрешены арбитражем, потому что она считает, что сами критерии того, что может считаться хорошим историческим исследованием случая, скорее всего, будут теоретически нагружены, например, считает ли кто-то, что социальные факторы следует принимать во внимание при построении случая или нет [16, с. 55].

Возможно, такие критерии аргументации, как согласованность и убедительность, могут помочь нам урегулировать даже такие более фундаментальные споры, по крайней мере, в принципе [17]. В принципе, также является вопросом факта, требуются ли социальные факторы или нет для объяснения конкретного исторического эпизода (там же). Кроме того, существуют философские дебаты, в которых основные предпосылки довольно широко распространены. В таких дебатах фокус обсуждения может быть даже более прямолинейным на соответствующих исторических фактах. Например, в дебатах о реализме широко распространено согласие между реалистами и антиреалистами в том, что успех науки следует объяснять эпистемическими факторами, а не социальными. Конечно, все еще есть место для разногласий, но я думаю, что было бы неправильно предполагать, что поэтому исторические факты очевидно беззубы.

Напротив, есть явные признаки прогресса, которого можно достичь, занимаясь историческими подробностями. Например, Псиллос первым утверждал, что теоретики калорической теории тепла не приняли реальность калории как субстанции при объяснении тепловых явлений и при получении новых предсказаний. Но на основе дальнейшего взаимодействия с историческими фактами было показано, что это на самом деле неверно [18]. Это широко признано. Есть и другие яркие примеры случаев, когда согласованные усилия сообщества философов привели к более глубокому и богатому пониманию отдельных исторических случаев и, возможно, также в смысле философского прогресса. Возьмем, к примеру, знаменитый случай Земмельвейса и его открытия причины детской лихорадки. Этот случай обсуждался несколькими философами для разных целей. Хемпель сначала взял его, чтобы хорошо проиллюстрировать гипотетико-дедуктивный метод. Липтон вместо этого утверждал, что Земмельвейс на самом деле использовал вывод для наилучшего объяснения. Другие не согласны. Шолль [24] утверждает, что метод Земмельвейса лучше всего описывается в не-эксплуатационистских терминах, а именно в методе Стюарта Милля согласия и сопутствующей вариации. На первый взгляд может показаться, что история поддается практически любой философской интерпретации, какой только пожелаешь. И все же, согласованное изучение дела Земмельвейса позволило философам сравнить свои абстрактные идеи с конкретным случаем, при этом ряд авторов

приводили аргументы в пользу того, что их описания лучше отражают реальный случай и объясняют больше исторических фактов [19]. Даже если кто-то не согласен с тем, что теперь мы знаем больше о случае и о том, какой философский метод лучше всего его представляет, исторический случай обеспечивает центральную точку, которая обогатила философскую дискуссию, и без которой дискуссия могла бы остаться довольно бесплодной и оторванной от реальной практики.

Подобные случаи должны вселять в нас уверенность в том, что может быть плодотворное взаимодействие между философским теоретизированием и взаимодействием с историческими фактами, и что философские предубеждения можно исправить, стремясь к более полной исторической картине. Однако это не означает, что просто проведение богатого исторического анализа, включающего анализ контекстуальных факторов, всегда даст нам «более истинную» картину науки. Напротив, без фокусировки на конкретном философском вопросе, как считали Лакатос и Хансон, мы обязаны двигаться философски «слепо» на исторической территории: просто гораздо сложнее (а иногда и невозможно) решать философские проблемы с помощью истории, которая написана без учета какого-либо философского вопроса. Хансон однажды выразил это: «Для философа истории науки часто не проясняют, потому что в результате своей хаотической рассеянности они никогда не отражают монохроматично: в результате возникают только спектры концепций и аргументов» [25, с. 582].

Проблема индуктивного обоснования кажется гораздо более сложной, чем проблема беспристрастности: даже когда все гарантии сообщества работают хорошо, все еще остается вопрос о том, как философы имеют право делать выводы из нескольких случаев к общим философским утверждениям о науке.

**Философия – это не наука.** Философия, таким образом, не может помочь себе теми же, устоявшимися средствами, которые наука может, например, статистика, для решения индуктивных выводов. Правда, экспериментальные философы используют статистику при сборе интуитивных суждений от нефилософов, но сложнее понять, как это может работать с историческими исследованиями случаев. Очевидно, что не все случаи следует взвешивать одинаково, и построение одного случая в первую очередь требует очень много времени и зависит от выбора, который может быть предметом разногласий. Как мы только что увидели, однако, даже когда внимание сосредоточено всего на нескольких или даже на одном случае, вовлеченность в историю науки может быть очень плодотворной для философских аргументов и прозрения.

Существует менее требовательный взгляд на вид индуктивной поддержки, которую требует философия науки. Философские теории часто считаются «обобщающими», как в случае чрезмерного обобщения без индуктивной поддержки [14]. Но на самом деле философы не так наивны, как их иногда выставляют критики. Например, в литературе по объяснению, причинные модели объяснения пользовались огромной популярностью в последние несколько десятилетий. Но даже несмотря на то, что сторонники этих моделей, очевидно, считают причинное объяснение широко используемой формой объяснения в науке, нет никаких претензий на то, что причинное объяснение является единственным объяснением, которое есть в науке. То же самое относится к выводу наилучшего объяснения, который, как уже упоминалось, был мотивирован историческими примерами. Опять же несмотря на то, что вывод наилучшего объяснения считается широко используемым и важным способом вывода, ни один философ не будет настолько глуп, чтобы утверждать, что это единственный вид вывода, используемый в науке. Иногда утверждается, что история науки настолько частная, что не допускает никаких обобщений. Но это утверждение требует, по крайней мере, столько же аргументов, сколько и утверждение, что существуют, по крайней мере, некоторые закономерности и обобщения, которые можно извлечь из истории науки.

Действительно, было бы удивительно, если бы успех науки каким-то образом основывался на полной случайности и случайных событиях. Конечно, можно сдаться и отказаться от проекта исторически обоснованной философии науки. Но, безусловно, гораздо более конструктивно предположить, что пессимистический взгляд ложный, и заняться исследованием философских тезисов о науке в рамках истории науки.

На первый взгляд, основная идея Лакатоса о максимизации рациональных фактов находится под угрозой как из-за проблемы беспристрастности, так и из-за проблемы индуктивного обоснования, которые широко обсуждались в современной метафилософской литературе. В любом случае, Лакатос считал, что предвзятость можно легко контролировать с помощью количества фактов, которые могут быть учтены рациональной, внутренней историей методологии. Искажение, несмотря на раннюю оговорку Лакатоса, не должно иметь места ни в одной уважаемой академической дисциплине, как позже, казалось, понял сам Лакатос. Теоретическая нагруженность является самой серьезной угрозой не только для проекта рациональной реконструкции Лакатоса, но и для любого метафилософского взгляда, который стремится объединить философское теоретизирование и исторические факты. Тем не менее, как мы видели, есть основания для оптимизма: если теоретическая нагруженность в науке не является причиной для отчаяния, то ее не должно быть и в философии. И даже если философия должна быть в худшем положении, чем наука, все еще есть некоторые примеры, когда изучение истории дало нам лучшее понимание поставленных философских вопросов. Наконец, проблема индуктивного обоснования кажется более серьезной, чем проблема беспристрастности, но она, конечно, снова осаждаст не только подход Лакатоса, но и любой подход, стремящийся объединить философию науки и историю науки. Также есть основания полагать, что философы гораздо более осторожны в своих обобщениях, чем это часто делают критики.

В этой статье утверждается, что, несмотря на его печально известную цитату в сноске, Лакатос на самом деле имел вполне разумные вещи, чтобы сказать о метафилософском вопросе о том, как использовать исторические факты в философском теоретизировании. В частности, идея максимизации рационально объяснимых фактов кажется мне достойным проектом для исторически обоснованной философии науки. Этот вид философии науки по общему признанию вышел из моды. Можно только догадываться о причинах этого. Одной из проблем, разделявших Лакатоса и его современников, была проблема демаркации: что характеризует науку? У Поппера, очевидно, был свой ответ, как и у Куна и Лакатоса [7]. Сегодня, похоже, во многих кругах существует консенсус, что решение проблемы демаркации безнадежно и неверно понято: между науками слишком много различий, чтобы искать ответ, который «подходит всем». Эта проблема связана с другим распространенным современным взглядом, а именно, что методы, используемые наукой, очень разнообразны даже в пределах одной дисциплины, поэтому может показаться безнадежным оценить рациональность «этого» научного метода [11]. Во-вторых, философы науки, похоже, в значительной степени утратили интерес к диахроническому измерению науки, для которого изучение истории является незаменимым. Работа Лакатоса по-прежнему предоставляет богатый ресурс для размышлений о том, как философия науки может плодотворно взаимодействовать с историей науки.

## REFERENCES

1. Lakatos I. History of science and its rational reconstructions. In: Proceedings of the Biennial Meeting of the Philosophy of Science Association. Ed. R.C. Buck, R.S. Cohen. Dordrecht: Springer, 1971. P. 91-136.
2. Kuhn T. Notes on Lakatos. In: Proceedings of the Biennial Meeting of the Philosophy of Science Association. R.C. Buck and R.S. Cohen. Dordrecht: Springer, 1971. P. 137-146.

3. Holton G. On Being Caught between Dionysians and Apollonians. In: *Daedalus*. 1974. Vol. 103. No. 3. P. 65-81.
4. Holton G. *The scientific imagination: case studies*. Cambridge: Cambridge University Press, 1978. 382 p.
5. Kuhn T. The halt and the blind: philosophy and history of science. In: *The British Journal for the Philosophy of Science*. 1980. Vol. 31. No. 2. P. 181-192.
6. Arabatzis T. What's in It for the Historian of Science? Reflections on the Value of Philosophy of Science for History of Science. In: *International Studies in the Philosophy of Science*. 2017. Vol. 31. No. 1. P. 69-82.
7. Lakatos I. *The Methodology of Scientific Research Programmes*. Philosophical Papers. Vol. 1. Cambridge: Cambridge University Press, 1978. 250 p.
8. Nanay B. Rational reconstruction reconsidered. In: *The Monist*. 2010. Vol. 93. No. 4. P. 598-617.
9. McMullin E. The history and philosophy of science: a taxonomy. In: *Minnesota Studies in the Philosophy of Science*. 1970. No. 5. P. 12-67.
10. Koertge N. Rational reconstructions. In: *Essays in memory of Imre Lakatos*. Ed. R. Cohen, P. Feyerabend, M. Wartofsky. Dordrecht: Reidel, 1976. P. 359-369.
11. Laudan L. *Progress and Its Problems: Towards a Theory of Scientific Growth*. Berkeley: University of California Press. 1978. 268 p.
12. Kuukkanen J. Lakatosian Rational Reconstruction Updated. In: *International Studies in the Philosophy of Science*. 2017. Vol. 31. No. 1. P. 83-102.
13. Dimitrakos T. Reconstructing rational reconstructions: on Lakatos's account on the relation between history and philosophy of science. In: *European Journal for Philosophy of Science*. 2020. No. 10. P. 1-29.
14. Pitt J. C. The dilemma of case studies: toward a Heraclitian philosophy of science. In: *Perspectives on Science*. 2001. Vol. 9. No. 4. P. 373-382.
15. Schickore J. More thoughts on HPS: Another 20 years later. In: *Perspectives on Science*. 2011. Vol. 19. No. 4. P. 453-481.
16. Kinzel K. Narrative and evidence. How can case studies from the history of science support claims in the philosophy of science? In: *Studies in History and Philosophy of Science Part A*. 2015. No. 49. P. 48-57.
17. Bolinska A., Joseph D. Negotiating history: Contingency, canonicity, and case studies. In: *Studies in History and Philosophy of Science Part A*. 2020. No. 80. P. 37-46.
18. Chang H. Preservative realism and its discontents: Revisiting calorific. In: *Philosophy of science*. 2003. Vol. 70. No. 5. P. 902-912.
19. Schindler S., Raphael S. Historical Case Studies: The "Model Organisms" of Philosophy of Science. In: *Erkenntnis*. 2022. No. 87. P. 933-952.
20. Nickles T. Philosophy of science and history of science. In: *Osiris*. 1995. No. 10. P. 139-163.
21. Giere R. History and philosophy of science: Marriage of convenience or intimate relationship. In: *British Journal for the Philosophy of Science*. 1973. No. 24. P. 282-297.
22. Giere R. Philosophy of science naturalized. In: *Philosophy of Science*. 1985. Vol. 52. No. 3. P. 331-356.
23. Feigl H. Beyond Peaceful Coexistence. In: *Minnesota studies in the philosophy of science*. 1970. No. 5. P. 3-11.
24. Laudan L. Normative naturalism. In: *Philosophy of Science*. 1990. Vol. 57. No. 1. P. 44-59.
25. Scholl R. Causal inference, mechanisms, and the Semmelweis case. In: *Studies in History and Philosophy of Science Part A*. 2013. Vol. 44. No. 1. P. 66-76.
26. Hanson N. R. The Irrelevance of History of Science to Philosophy of Science to Philosophy of Science. In: *The Journal of Philosophy*. 1962. Vol. 59. No. 21. P. 574-586.